АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

411-Й КИЛОМЕТР

Алексей Александров

411-й километр

«Автор»
2026

Александров А.

411-й километр / А. Александров — «Автор», 2026

Орбитальная станция «Эсперанца» висит на высоте 411 км — последний островок порядка над рушащейся Землёй. Когда планета гибнет, экипаж из семи человек остаётся один на один не только с поломками и нехваткой ресурсов, но и с загадочной аномалией: модуль 3 будто дышит в собственном ритме, а задержка синхронизации повторяется с пугающей точностью.В борьбе за выживание команда делает то, что важнее любой спасательной операции: сохраняет память человечества. А когда связь с Землёй окончательно обрывается, на пороге последней надежды появляется нечто невообразимое — голос самой звезды.«411й километр» — это научная фантастика о хрупкости цивилизации, силе рутины и о том, что даже в пустоте космоса остаётся место для надежды.

© Александров А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Александров
411-й километр

Алексей Александров
«411-й километр»

Saeculum non eligimus:
memoria eius nobis mandata est

год 2041-й от рождества Христова, последний…

Околоземная орбитальная научная станция «Эсперанца»,
высота 411 км.

Это была обычная научно-исследовательская станция с самыми рядовыми задачами. Внутри станции пахло озоном, горячим металлом и кофе, который вечно варил инженер Шень. Оборудование на самой станции давно устарело и не обновлялось: модули собирали ещё в начале века, и с тех пор их только несколько раз латали. Цели у «Эсперанцы» были простые и важные: климатический мониторинг, контроль за вулканической активностью и сбор данных для моделирования тектонических сдвигов. Задачи, как и прежде, делились на рутину и экстренные запросы с Земли. Возраст некоторых механизмов чувствовался в каждом скрипе, в каждом предупреждении на панели, которое никто уже не воспринимал всерьёз.

Команда станции состояла из семи человек. Командир Альба Веласко держала персонал в жестких руках: она умела говорить тихо, но так, что все немедленно замолкали. Инженер Лян Шень был вечным оптимистом, который верил, что любую поломку можно починить изолентой и добрым словом. Биолог Надия Шарма наблюдала за микроорганизмами в замкнутой системе и всё время всем напоминала, что «система — это не только трубы и провода». Физик-аналитик Кьель Хольм был молчалив и точен: он замечал то, чего не видели другие. Техник-связист Иван Рамирес вечно что-то чинил в коммуникационном отсеке, а пилот Зоран Вукович следил за ориентацией станции и мечтал когда-нибудь сесть на Марс. И ещё была Сора Мори, специалист по данным, которая знала, где в массивах прячется истина — и где прячется ложь.

Они вышли из разных стран, разных народов, разных культур, но здесь, на орбите, это значило меньше, чем умение вовремя подать гаечный ключ или не сорваться, когда сирена вопит третий час подряд.

У каждого на Земле осталась семья. У Альбы — пожилая мать и сын-подросток, который не желал учиться и мечтал стать блогером. У Ляна —жена и двое малышей, которым он каждый сеанс связи рассказывал одну и ту же историю про то, как станция однажды спасла мир. У Надии — отец, который всё ещё переживал, что дочь уехала так далеко. У Кьеля никого не осталось, кроме старых писем, которые он иногда перечитывал в тишине.

Иван Рамирес сдвинул наушники на лоб и потёр переносицу. В коммуникационном отсеке было тесно, пахло горячим пластиком и грозой. Он постучал пальцем по панели, будто уговаривая её вести себя прилично.

— Канал через третий модуль держится, но там какая-то странная нестабильность, — доложил он в общий эфир. — Как будто сигнал идёт волнами. То чётко, то будто сквозь помехи.

— Не помехи, — отозвался Кьель Хольм, не отрываясь от графиков. — Это рассинхронизация. Смотри на метки времени: пакеты данных приходят с разной задержкой. Не из-за связи. Из-за того, что там время идёт… не так.

Альба Веласко стояла у центрального пульта, положив ладонь на холодный металл. Она не любила лишних слов, особенно когда станция начинала капризничать.

— Значит, работаем с тем, что есть. Иван, держи канал. Если сигнал начнёт пропадать, переключайся на резервный протокол. Кьель, не давай модулю тянуть мощность. Держи баланс на ручном.

— Уже держу, — коротко ответил Хольм. Его пальцы бегали по сенсорной панели, выставляя тонкие коррекции. Он не любил драматизировать. Для него сбой был просто задачей, которую нужно решить.

В биомодуле Надия Шарма проверяла датчики влажности и температуры. Она провела пальцем по стеклу резервуара, где в питательном растворе медленно росли колонии микроорганизмов.

— Всё странно здесь, — сказала она, скорее себе, чем в эфир. — Влажность падает, а биоактивность растёт. Как будто система пытается компенсировать нехватку воды за счёт метаболизма. Это неестественно.

Сора Мори смотрела на столбцы цифр, и ей казалось, что они складываются в неправильный узор. Она открыла окно с логами и стала искать повторяющиеся паттерны.

— У меня тут совпадение, — тихо сказала она. — В моменты пиков вибрации задержка синхронизации увеличивается ровно на 0,3 секунды. Это не случайность.

— То есть вибрация и время связаны? — переспросил Зоран Вукович, не сводя глаз с показаний ориентации станции. Он держал станцию ровно, как будто боялся, что любое резкое движение может всё сломать.

— Похоже на то, — подтвердила Сора. — Как будто вибрация — это не следствие, а часть процесса.

Лян Шень уже стоял у шлюза в третий модуль, держа в руках ящик с инструментами. Изолента торчала из кармана, как знамя. Он подмигнул Надии, которая вышла из биомодуля.

— Ну что, пойдём посмотрим, что наша старушка решила нам устроить?

Надия покачала головой, но в глазах мелькнула улыбка.

— Только не пытайся починить это изолентой. Сначала посмотрим.

Они прошли по узкому коридору, где лампы мигали с едва заметной неравномерностью. В воздухе чувствовался лёгкий запах перегретого металла.

— Слышишь? — вдруг остановилась Надия.

— Что?

— Тишину. Она какая-то… неровная.

Лян прислушался. И правда: гул вентиляции, обычно ровный и успокаивающий, теперь звучал прерывисто, будто станция дышала с паузами.

Когда они вошли в третий модуль, первое, что бросилось в глаза, — панель управления мерцала, как неисправный экран. Датчики показывали странные значения: температура скакала, давление менялось без видимых причин.

Лян подошёл к основной распределительной коробке и осторожно открыл её. Внутри провода были на месте, соединения выглядели целыми. Но когда он коснулся одного из кабелей, тот едва ощутимо завибрировал.

— Вот оно, — пробормотал он. — Вибрация идёт по кабелю. Как пульс.

Надия наклонилась к датчику влажности.

— Смотри: влажность падает, а температура растёт. И это происходит циклами. Как будто модуль пытается сбросить что-то лишнее.

Лян достал мультиметр и проверил напряжение. Показания прыгали.

— Тут не просто сбой. Тут что-то тянет энергию. И тянет неравномерно.

Он посмотрел на Надию.

— Надо сообщить Альбе. Но сначала я хочу поставить шунтирующую перемычку, чтобы снять нагрузку.

Надия кивнула.

— Делай. А я буду следить за биопараметрами. Если система начнёт реагировать агрессивно, мы должны это увидеть.

Пока Лян возился с проводами, Сора продолжала анализировать данные. Она заметила ещё одну деталь: в моменты, когда вибрация достигала пика, задержка синхронизации увеличивалась ровно на те же 0,3 секунды, а энергопотребление третьего модуля резко возрастало.

— Альба, — сказала Сора в канал. — У меня есть гипотеза. Похоже, что третий модуль сам генерирует микровибрации, которые влияют на синхронизацию. И из-за этого он начинает потреблять больше энергии. Это замкнутый круг.

— Принято, — спокойно ответила Альба. — Кьель, ты слышишь?

— Слышу, — отозвался Кьель. — Я могу ограничить подачу энергии, но тогда модуль может перейти в аварийный режим.

— Тогда действуем по плану «Б», — решила Альба. — Лян и Надия, продолжайте осмотр. Иван, готовься к переключению на резервные контуры связи. Зоран, держи ориентацию. Если начнётся сильная вибрация, нам нельзя терять угол.

В третьем модуле Лян закончил ставить перемычку. Он выпрямился, вытер руки о комбинезон и посмотрел на Надию.

— Готово. Теперь нагрузка должна снизиться.

Надия сверилась с датчиками.

— Вибрация падает. И влажность стабилизируется.

Лян выдохнул.

— Кажется, старушка просто устала. Ей нужно было немного помочь.

На центральном посту Кьель увидел, как графики энергопотребления начали выравниваться. Задержка синхронизации уменьшилась с 0,3 до 0,1 секунды и больше не росла.

— Баланс восстановлен, — сообщил он.

Альба кивнула, но не расслабилась.

— Хорошо. Но это не конец. Нам нужно понять, почему модуль начал вести себя так странно. Лян, после смены проверь все соединения в третьем модуле. Надия, продолжай следить за биопараметрами. Сора, собери все логи за последние два часа. Мы должны разобраться, что это было.

Команда молча согласилась. Никто не радовался преждевременно. На старой станции победа — это когда всё снова работает, а не когда ты успел похлопать друг друга по плечу.

Сора сделала ещё одну пометку в журнале: «Аномалия в третьем модуле локализована. Вибрация и рассинхронизация снижены. Причина не установлена. Требуется дальнейший анализ».

И в этот момент из отсека Ляна донёсся знакомый запах только сваренного кофе. Станция продолжала жить.

Прошло три дня. Модуль 3 работал ровно, будто и не было никакой аномалии. Датчики показывали норму, вибрация не превышала стандартных значений, энергопотребление держалось в пределах допуска. Даже запах перегретого металла, который ещё недавно висел в коридоре, сменился привычным ароматом кофе — Лян снова колдовал над своей старой кофемашиной, и станция будто вздохнула спокойно.

Но Сора не могла отделаться от ощущения, что тишина эта — не совсем настоящая. Она возвращалась к логам снова и снова, как будто надеялась поймать взглядом ту самую неуловимую деталь, которая всё объяснит.

— Ты опять смотришь на эти графики, как на кроссворд, — заметил Кьель, проходя мимо её поста. Он задержался на секунду, склонился над экраном. — Что ищешь?

Сора чуть сдвинула окно с текущими показателями и открыла архив.

— Вот. Смотри: задержка синхронизации снова выросла. Совсем немного — на 0,15 секунды. Почти на границе погрешности. Но она есть. И появилась ровно через 72 часа после прошлой аномалии.

Кьель прищурился, вчитываясь в метки времени.

— Это может быть просто дрейф часов. На таком оборудовании это нормально.

— Может быть, — согласилась Сора. — Но посмотри на вибрацию. В тот же момент — микроподъём. И энергопотребление модуля 3 тоже чуть выше нормы. Не критично. Но синхронно.

Кьель помолчал. Потом тихо произнёс:

— Синхронно… Значит, не случайность.

Сора кивнула.

— Я сверила с предыдущими сменами. Если смотреть не по дням, а по часам, получается… цикл. Каждые 72 часа показатели чуть-чуть ползут вверх. Совсем незаметно. Но повторяются.

— И никто этого не замечает, потому что каждый раз это «почти в норме», — закончил Кьель.

Они переглянулись. В этом взгляде не было паники — только привычная рабочая настороженность.

Альба Веласко слушала доклад, стоя у центрального пульта. Её пальцы легко касались холодного металла, будто она хотела почувствовать станцию изнутри.

— Значит, у нас есть цикл, — спокойно подытожила она. — Не авария. А… ритм.

— Да, — подтвердила Сора. — Если мы правы, следующая точка будет через 48 часов. Тогда задержка может стать уже 0,2–0,25 секунды. Вибрация тоже подрастёт.

Лян Шень, который стоял рядом, почесал затылок.

— То есть старушка не сломалась. Она… дышит по расписанию?

Надия хмыкнула:

— В замкнутой системе всегда есть циклы. Только обычно они связаны с внешними факторами: прохождением над определёнными зонами, солнечной активностью, манёврами. А тут… ничего такого.

Зоран, следивший за ориентацией, покачал головой:

— Орбита стабильная. Никаких внешних воздействий, которые могли бы это объяснить.

Иван Рамирес пожал плечами:

— Может, это просто усталость металла? Как пульс у старого двигателя.

Альба чуть нахмурилась, но не стала отметать ни одну версию.

— Хорошо. Пока не делаем выводов. Сора, продолжай вести журнал: время, параметры, любые совпадения. Кьель, держи энергобаланс на ручном контроле в эти часы. Лян, проверь крепления и кабели в модуле 3 ещё раз — даже если они выглядят целыми. Нам нужно знать, где может появиться слабина.

— Есть, командир, — отозвался Лян и подмигнул Надии. — Изолента наготове.

Надия только закатила глаза, но в уголках её губ мелькнула улыбка.

Вечером, когда смена почти закончилась, Сора снова открыла логи. Она вывела на экран три коротких отрезка: первый — в день аномалии, второй — через 72 часа, третий — сегодня. И наложила их друг на друга.

Цифры почти совпадали. Те же пики, те же провалы, те же микросдвиги. Как будто кто-то или что-то нажимало на одни и те же клавиши в одном и том же ритме.

«Не сбой, — подумала Сора. — А повтор».

Она сделала новую пометку в журнале: «Аномалия повторяется с периодичностью ~72 ч. Параметры совпадают с высокой точностью. Причина не установлена. Требуется дальнейший анализ».

И вдруг ей стало не по себе — но не от страха, а от странного чувства, будто станция что-то пытается им сказать. Не криком, не сиреной, а шёпотом, который слышно, только если очень внимательно слушать.

В отсеке стало тише. Вентиляция гудела ровно. Где-то далеко Лян тихо напевал себе под нос какую-то старую китайскую песню, пока чинил что-то мелкое. Надия сидела в биомодуле и записывала наблюдения. Кьель молча сверял графики.

Станция жила. И, возможно, жила по какому-то своему, пока непонятному ритму.

А загадка оставалась. Маленькая, тихая, упрямая — как едва заметная вибрация, которую чувствуешь не приборами, а кожей.

В еженедельных новостях на планете говорили о мелочах: о подорожании топлива, о забастовке в порту, о новом трудовом законе, который пока никто не понимал. Но за этими мелочами прятались большие интересы.

Президент США говорил о стабильности и укреплении границ. Премьер Англии обещал помощь пострадавшим от наводнения, но в кулуарах обсуждал, как перенаправить средства на военные проекты. Глава КНР молчал, но его спецслужбы работали без выходных.

За границами новостей была еще «Волморт» — транснациональная корпорация, которой, казалось, было всё равно на политику. Их интересовали только ресурсы, контракты и прибыль. Они строили станции, добывали минералы, прокладывали маршруты там, где правительства ещё не успели поставить флаги.

Семьи астронавтов жили своей жизнью. Мать Веласко ворчала, что внук опять не сделал уроки. Жена Ляна пыталась объяснить детям, что папа не может звонить каждый день. Отец Надии смотрел новости и всё время спрашивал: «А что там с вулканами?»

На станции «Эсперанца» утро начиналось не с рассвета — его тут не видели неделями, — а с тихого щелчка, когда вентиляция переключалась на новый режим. Сора Мори уже сидела у своих экранов, привычно раскладывая цифры на «норма» и «не норма». Сегодня «не норм» было чуть больше обычного.

— Сора, ты опять раньше всех, — пробурчал Лян Шень, появляясь в отсеке с дымящейся кружкой. Он всегда варил кофе так, будто это был ритуал, способный удержать станцию на орбите. — Не спишь — значит, что-то не так.

Сора не стала отнекиваться.

— Смотри. Задержка синхронизации снова ползёт. Не сильно. Но ровно по графику: +0,05 секунды за последние шесть часов. Как по расписанию.

Лян нахмурился, поставил кружку и наклонился к экрану.

— По расписанию… Это звучит страшнее, чем «сломалось».

— Потому что «сломалось» можно починить твоей «изолентой», — усмехнулась Сора. — А «по расписанию» — это будто кто-то знает, когда нажимать кнопку.

В канале раздался спокойный голос Альбы Веласко:

— Получила сводку с Земли. «Волморт» запустила третью буровую платформу в поясе астероидов. Официально — для добычи редкозёмов. Неофициально… никто не знает. Но у них теперь свои станции, свои маршруты и свои протоколы.

Кьель Хольм, который как раз сверял энергобаланс, тихо добавил:

— А это значит, что трафик на наших каналах вырастет. И нагрузка на систему тоже.

Альба кивнула, хотя этого никто не видел.

— Именно. И если третий модуль снова начнёт «дышать» в такт своему циклу, нам придётся держать баланс на фоне чужих манёвров.

Зоран Вукович, следивший за ориентацией станции, хмыкнул:

— То есть мы должны не просто не упасть, а не упасть красиво, пока внизу политики делят деньги, а наверху корпорации прокладывают маршруты.

— Примерно так, — спокойно ответила Альба. — Поэтому сейчас главное — не пропустить момент. Сора, веди журнал поминутно. Кьель, подготовь ручной контур на случай скачка. Лян, проверь крепления в третьем модуле ещё раз — даже если они выглядят идеально.

— Есть, командир, — отозвался Лян и подмигнул Соре. — «Изолента» уже заряжена.

Сора едва заметно улыбнулась. В этом была вся их команда: когда мир снаружи становился слишком большим и слишком сложным, они просто делали свою маленькую, понятную работу.

Пока Лян уходил в модуль, Надия Шарма зашла в отсек с чашкой чая и села рядом с Сорой.

— Знаешь, что меня тревожит? — тихо спросила она. — Не эти цифры. А то, что никто на Земле не знает про наш цикл. Для них мы просто точка на карте. «Эсперанца», высота 411 км. Данные идут потоком, но никто не слушает ритм.

Сора посмотрела на графики. Пики и провалы складывались в узор, который становился всё чётче.

— Может, и не надо, чтобы слушали, — сказала она. — Может, наша работа как раз в том, чтобы этот ритм оставался незаметным. Чтобы снаружи всё шло как обычно: новости

про подорожание топлива, обещания политиков, контракты корпораций. А мы здесь держим, чтобы ничего не сломалось.

Надия кивнула.

— Да. Пусть снаружи будет «мелочь». А мы будем следить за тем, что прячется за мелочами.

В этот момент на панели тихо мигнул индикатор: задержка синхронизации выросла ещё на 0,03 секунды. Ровно в тот момент, когда «Волморт» официально объявила о новом маршруте доставки грузов.

Сора сделала пометку в журнале: «Совпадение по времени с объявлением «Волморт». Параметры: задержка +0,03 с, вибрация в третьем модуле — лёгкий рост. Причина не установлена».

Она не стала поднимать тревогу. Просто ещё раз проверила резервные контуры.

А где-то далеко, на Земле, мать Веласко наконец-то заставила внука сесть за уроки. Жена Ляна показывала детям, как нарисовать ракету. Отец Надии снова смотрел новости и спрашивал: «А что там с вулканами?»

И никто из них не знал, что прямо сейчас, в 411 километрах над их головами, семь человек тихо держали баланс, чтобы эти обычные вечера могли продолжаться.

…

Солнце над Йеллоустоном висело низко, и пар от термальных полей поднимался так густо, что казалось — вот-вот скроет вершины сосен. Профессор Харрис стоял у края кальдеры, щурясь на показания портативного сейсмографа. Он не любил спешку: для него наука была не скоростью, а точностью.

— Боб, ты закрыл контейнер с пробами из сектора 4B? — спросил он, не поднимая головы.

Молодой техник Боб Дрю, в мятой куртке и с рюкзаком, который, казалось, жил своей жизнью, махнул рукой:

— Конечно, док. Ещё час назад.

Майя, стоявшая рядом с планшетом, закатила глаза и тихо пробормотала:

— Он его даже не доставал.

Но вслух ничего не сказала. Она знала: если начать спорить с Бобом из-за каждой мелочи, они вообще ничего не успеют. А сроки горели — корпорация «Волморт» ждала отчёт к пятнице, и в контракте было чётко прописано: «данные, интерпретация, оценка рисков». Ни слова про «процесс».

Рядом, на краю площадки, стоял представитель «Волморт» — мужчина в строгом костюме, который выглядел здесь так же уместно, как галстук в сауне. Его звали мистер Грей. Он не вмешивался в работу учёных, но его присутствие ощущалось, как тихий гул трансформатора: постоянный, неизбежный, слегка раздражающий.

— Доктор Харрис, — спокойно произнёс Грей, глядя на экран своего устройства, — у нас окно для бурения в этом секторе. Нам нужно подтверждение, что геотермальная активность не превысит допустимые пределы.

Харрис сжал губы.

— Мы не можем дать «подтверждение» без полного цикла замеров. Ещё как минимум двое суток.

Грей чуть наклонил голову.

— У нас нет двух суток. Проект уже на стадии согласования. Если мы не получим оценку сегодня вечером, окно закроется, и мы будем вынуждены искать другую площадку.

Майя почувствовала, как внутри всё сжалось. Она знала, что это значит: если «Волморт» уйдёт, финансирование их исследовательской программы тоже прекратится. А это годы работы — впустую.

— Док, — тихо сказала она, — мы можем дать предварительную оценку. По тем данным, что у нас есть. Это будет честно, но с оговорками.

Харрис посмотрел на неё, потом на Боба, который снова копался в рюкзаке, вытаскивая что-то, чего там быть не должно.

— Предварительная оценка без полных данных — это не наука, — жёстко сказал он.

— Это выживание, — так же тихо ответила Майя.

В этот момент датчик на треноге у края поля тихо пискнул. Никто не обратил внимания. Даже Боб, хотя именно он должен был его проверить.

Через сорок минут всё изменилось.

Сначала это был просто странный звук — не громкий, но отчётливый, будто земля вздохнула. Потом дрогнула почва под ногами, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы приборы зафиксировали микротолчок.

— Что это? — спросил Боб, оглядываясь.

Майя уже смотрела на планшет. Её пальцы летали по экрану, соединяя точки: рост температуры в скважине № 3, изменение давления в газовом кармане, смещение показаний на сейсмодатчиках.

— Небольшая подвижка, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Но… она не вписывается в модель.

Доктор Харрис резко повернулся к треноге с датчиком, который должен был стоять ровно, но теперь слегка накренился.

— Боб, — его голос стал стальным. — Ты проверял этот датчик сегодня?

Боб замер. Потом медленно покачал головой.

— Забыл. Прости, док. Я хотел, но…

— Но не сделал, — закончил Харрис.

Мистер Грей не двигался. Он просто смотрел на свои данные, потом медленно поднял глаза.

— Уровень активности растёт, — напряженно сказал он. — Если это продолжится, мы не сможем начать бурение. Более того — нам придётся эвакуировать персонал из зоны.

Майя подняла голову. В её взгляде было не столько удивление, сколько осознание:

— Это не просто подвижка. Это цепная реакция. И она началась с того, что датчик не показал нам первые признаки.

Земля снова дрогнула. На этот раз сильнее. Где-то в лесу треснуло дерево. Пар поднялся выше, почти скрывая горизонт.

Доктор Харрис наконец-то снял очки и посмотрел на свою команду.

— Собираем всё, что можем. Все пробы, все записи. И уходим. Сейчас.

Боб наконец-то понял, что происходит. Его лицо побелело.

— Прости, док… я правда забыл…

— Сейчас не время для извинений, — отрезал Харрис. — Время действовать.

Они начали быстро сворачивать оборудование. Майя упаковывала планшеты и жёсткие диски, Харрис собирал образцы, Боб пытался вспомнить, где оставил запасные кабели. Мистер Грей стоял в стороне, делая короткие звонки по защищённой линии. Его голос был ровным, но в нём появилась новая интонация — срочность.

Когда они, наконец, двинулись к вездеходу, земля дрогнула в третий раз. На этот раз так, что Боб едва не упал.

— Это уже не микро, — тихо сказала Майя.

Доктор Харрис кивнул. Его лицо было бледным, но спокойным.

— Мы должны добраться до базы. И передать данные. Не корпорации. А в Геологическую службу. Пусть они решают, что делать дальше.

Мистер Грей на секунду задержался рядом с ним.

— Корпорация не одобрит передачу данных третьим сторонам.

— А я не спрашиваю одобрения, — ответил Харрис, глядя ему прямо в глаза. — Я спрашиваю, поедете ли вы с нами.

Грей помолчал. Потом коротко кивнул:

— Поеду. Но сначала я должен отправить один пакет.

Он достал устройство и быстро загрузил файл. Майя заметила, как на экране мелькнула надпись: «Передача: приоритет «Красный»».

Пока они ехали по ухабистой дороге, оставляя за собой клубы пара и дрожащую землю, Майя смотрела в окно и думала о том, как одна маленькая небрежность — забытый датчик — может запустить такую большую волну.

И ещё она думала о станции «Эсперанца» и о людях, которые там работают. О том, что где-то высоко над ними, в тишине космоса, кто-то тоже держит баланс — не ради славы, а просто чтобы внизу, на Земле, у кого-то был шанс всё исправить.

…

На «Эсперанце» тишина стала другой — не спокойной, а натянутой, как перетянутый трос. Станция продолжала кружить над планетой, отсчитывая витки, будто ничего не происходило. Но внутри всё трещало по швам, и трещины эти шли не по металлу, а по привычкам, по интонациям, по тому, как люди теперь смотрели друг на друга.

Всё началось с мелочей, но мелочи эти копились, как статическое напряжение, пока не стало достаточно одной искры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.